
ЛИТЕРАТУРА XVII–XVIII вв.

УДК 82–311.4

ПАХСАРЬЯН Н.Т.¹ ПЕРИПЕТИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ СУДЬБЫ
МАДЛЕНЫ ДЕ СКЮДЕРИ.

DOI: 10.31249/lit/2022.02.06

Аннотация. В статье исследуются особенности рецепции творчества наиболее знаменитой прециозницы – французской писательницы Мадлены де Скюдери, личность которой, как и ее художественное наследие, подвергалось разным, порой противоречащим одна другой трактовкам. Уточняется роль М. де Скюдери в литературном процессе XVII столетия, анализируется специфика прециозного поведения и стиля, рассматривается проблема атрибуции романов. Творчество М. де Скюдери не только обогатило французский язык, развило поэтику романов высокого барокко, но и участвовало в становлении нового типа новеллы. Кроме того, идеи главы прециозниц внесли определенный вклад в понимание ее современниками брака, основанного на взаимном уважении, способствовали развитию женского движения, предвосхищающего современный феминизм.

Ключевые слова: писательская судьба; рецепция; атрибуция; прециозница; роман; новелла; Мадлена де Скюдери.

Для цитирования: Пахсарьян Н.Т. Перипетии литературной судьбы Мадлены де Скюдери // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2022. – № 2. – С. 80–91. DOI: 10.31249/lit/2022.02.06

¹ **Пахсарьян Наталья Тиграновна** – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН; профессор филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

PAKHSARIAN N.T. Twists and turns of Madeleine Scudéry's literary fate.

Abstract. The article offers a study of the reception of one of the most famous précieuse French writer, Madeleine de Scudéry. Her personality and artistic heritage have been interpreted in different ways, sometimes contradictory. The article specifies her role in literary process of the seventeenth century, analyses some features of précieux behavior and style, considers the problem of attribution of her novels. Madeleine de Scudéry's work not only enriched the French language, developed the poetics of high baroque novels, but also contributed to the new type of short stories. Her ideas also influenced a view of her contemporaries on marriage based on mutual respect, contributed to women's movement that anticipated modern feminism.

Keywords: literary fate; reception; attribution; Précieuse; novel; short story; Madeleine de Scudéry.

To cite this article: Pakhsarian, Natalia T. "Twists and turns of Madeleine Scudéry's literary fate", Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 2, 2022, pp. 80–91. DOI: 10.31249/lit/2022.02.06

Мадлена де Скюдери (1607–1701) – одна из тех писательниц, прижизненная и последующая репутация которых противоречива и неустойчива. В ней множество неясностей, спорных моментов, лакун.

В российской истории и теории литературы Мадлена де Скюдери обычно выступает как фигура курьезная и, безусловно, периферийная: все, что до сих пор входило в литературоведческий обиход, более всего связано с критическим отзывом Н. Буало в «Искусстве поэзии», к тому же резко заостренным в переводе на русский язык. Достаточно сравнить буквальный перевод известных строк и тот, который содержится в варианте Э. Линецкой: «Но бойтесь пропитать в безвкусице вульгарной / Французским духом Рим, как в “Клелии” бездарной» [3, с. 194]. Ср. во франц. тексте: «Gardez donc de donner, ainsi que dans Clélie, / L'air, ni l'esprit français à l'antique Italie» («Остерегайтесь придавать, как в “Клелии”, / античной Италии французский дух и атмосферу») [4, р. 171]. Упоминался в учебниках и хрестоматиях по литературе XVII в. и «Диалог о героях романа», также частично переведенный

Э. Линецкой, где оценки романа как жанра и особенно романов Мадлены де Скюдери довольно нелицеприятны.

В то же время уже приходилось отмечать, что и в том и в другом случае знаменитого критика волнует прежде всего чистота жанра трагедии, тогда как его отношение к жанру романа – скорее снисходительно-пренебрежительное, чем резко отрицательное. Не говоря уже о том, что история создания «Диалога» и переписка с адвокатом Броссетом демонстрируют, по крайней мере, попытку Буало объясниться и оправдаться в связи с публикацией этого произведения [см. подробно: 8; 34]. Как сообщал сам критик в преамбуле, он не хотел оскорбить Мадлену де Скюдери, пользующуюся славой у своих современников. Но еще при жизни мадемуазель де Скюдери текст под названием «Диалог г-на Депрео» дважды печатался за границей – в сборнике 1688 г. и в посмертном издании «Сочинений» Сент-Эвремона в 1703 г. Броссет недоумевает, отчего о героях, о которых некогда говорили «великий Артамен», «несравненная Клелия», стали говорить иначе. И Буало отказывается от авторства диалога в письме от 27 марта 1704 г.: якобы сам он не писал его, лишь устно давал какие-то отдельные оценки, а господин де Севинье скомпоновал из них целостный текст и опубликовал. Отредактированный и одобренный Буало диалог был опубликован Броссетом только в 1713 г. Тем не менее противоречия и неоднозначность оценок критика были забыты. А вкупе с представлением о том, что Мольер в «Смешных прециозницах» смеется не столько над неловкими подражательницами завсегдатаев салона Скюдери, сколько над ней самой, суждение авторитетного критика-классициста поместило пиательницу, как верно замечает Елена Рюссо, в ряд «многочисленных мелких сочинителей, интересующих разве что единичных историков литературы» [29, p. 195].

Из сказанного ясно, что подобное отношение к писательнице не сформировалось исключительно на отечественной почве: практически до начала XXI в. не слишком доброжелательны и внимательны были к Мадлене де Скюдери также и зарубежные, в том числе французские, ученые. Любопытно, например, как резюмирует хрестоматийное восприятие писательницы Эвелина Вильверт в книге «Лица женской литературы» (1987), называя его карикатурным: «уродливая старая дева, окруженная попугаями и хамелео-

нами, автор нудных романов и знаменитой смешной Карты Нежности» [6, р. 18]. Только в конце 1970-х и в 1980-е годы исследователи стали более внимательны к анализу творчества писательницы [10; 16; 26], но лишь с 2000-х годов один за другим начинают появляться комментированные издания ее сочинений [см. библиографию в: 23; 37]. В то же время всплеск интереса к творчеству мадемуазель де Скюдери еще очевиднее вскрыл не просто лакуны в его изучении, но и целый ряд нерешенных или дискуссионных проблем.

Первая из них связана с уточнением происхождения писательницы – и, как следствие, социокультурной характеристики феномена прециозности. В одних (немногих и наименее авторитетных) источниках она – аристократка, в других – родилась в обычной средней руки дворянской семье, а в третьих ей приписывают буржуазное происхождение. В любом случае отец Мадлены и ее брата Жоржа незадолго до своей кончины был взят под стражу за участие в грабеже и к тому же оставил им только долги. «Некрасивая провинциалка, носящая обесчещенную фамилию, стесненная в денежных средствах, была обречена на бесславное существование» [27, р. 96], но стала во главе весьма интересного культурного движения – прециозности – и широко прославилась.

Встречаются расхождения в описании прециозности как явления, существовавшего в аристократической или, наоборот, в буржуазно-дворянской среде. Уже приходилось писать о том, что при очевидной тяге прециозников к аристократизму (например, среди них бытовала убийственная характеристика «вести себя, как последний буржуа») этот этический, поведенческий идеал не подразумевал непременно аристократического происхождения посетителей салона – как раз преимущественно выходцев из буржуазной среды [31, стб. 802–804; 13, р. 92–93]. Подхватив эстафету у мадам де Рамбуйе, салон которой Мадлена де Скюдери, обосновавшись в столице, посещала с 1647 г., в 1651 г. писательница открыла собственный салон, и на ее знаменитые «субботы» приходили мадам де Лафайет и мадам де Севинье, мадам Корнюэль и мадемуазель Лежандр, В. Конрар и П. Пелиссон, Ж. Шаплен и Ф. де Ларошфуко. В этом салоне собирались прежде всего писатели, велись беседы о литературе, организовывались литературные игры, но одновременно совершенствовались язык и манеры, а

кроме того, обсуждались вопросы положения женщин в обществе, в браке [см. подробно: 7; 11; 12; 18]. Любовная концепция прециозниц основывалась на необходимости уважения к женщине, на том, что духовное родство важнее, нежели телесная близость, а брак, требующий подчинения жены мужу, ее полной зависимости, – унизителен и неприемлем.

Анализ прециозности как одного из первых феминистических движений или, по крайней мере, очевидного предшественника таковых, – пожалуй, главное направление в изучении творчества Мадлены де Скюдери и ее последовательниц в настоящее время [см.: 13; 18; 19; 22]. Ее заслуги здесь признаны, и сегодня их оценки лишены той насмешливой двусмысленности (прежде всего в западной критике), которая сопровождала писательницу как раз в XVII столетии¹, что заставляло ее прикрывать собственные сочинения именем своего брата, Жоржа де Скюдери, или публиковать их анонимно.

Отсюда возникла и вторая, еще более сложная проблема, связанная с установлением авторства Мадлены де Скюдери или степени ее участия в создании произведений. Поскольку писательница под своим именем опубликовала только два романа – «Великий Кир» и «Клелию», в разных источниках по-разному атрибутируют другие произведения². Так, если Таллеман де Рео считал, что «Ибрагим, или Великий паша» (1641) полностью был написан Мадленой де Скюдери, более того, ей принадлежит и часть текста «Знаменитых женщин» – сочинения, автором которого долго считали брата Мадлены, Жоржа де Скюдери, то Эвелина Дютертр ныне полагает, что Таллеман преуменьшил степень участия Жоржа Скюдери в создании «Ибрагима» (1641) [17, р. 575], и в сегодняшних изданиях романа часто указывают на то, что если не само сочинение, то предисловие к нему было написано братом писательницы, а в комментированном издании 2003 г. этот роман и вовсе указан как сочиненный целиком Жоржем. Впрочем, Камилла

¹ Ср. слова аббата Котена об огромном успехе «Кира» и «Клелии»: «Писания Сафо вызвали такой успех, что нимфа сия оглохла» [цит. по: 1, р. 17].

² Ф. Делофр в специальной статье указывает, что самые проблемные для атрибуции произведений – 1650–1750-е годы [14, р. 247]. Но до сих пор ученые решают вопросы об авторстве Мадлены или Жоржа Скюдери иногда прямо противоположным образом [см., напр.: 25; 28].

Эсмен, анализируя это издание, утверждает, что вопрос атрибуции не решен убедительно, основной аргумент в пользу авторства брата связан с тем, что тональность восточных картин романа похожа на пьесы Жоржа Скюдери на восточную тематику [37, р. 536–537]. Вероятно, настойчивое внимание к авторству «Ибрагима, или Знаменитого паши» обусловлено тем, что при огромном успехе «Кира» и «Клелии» в XVII в., только «Ибрагим» был переиздан в XVIII в. – в 1723 г. В монографии Барбары Краевской указано, что под именем Жоржа Мадлена опубликовала следующие романы: «Ибрагим», «Артамен», «Клелия», «Альмаида», «Матильда д'Агилар» [22, р. 124–125]. В интернет-справочнике «Компани литтерер» 2016 г. романами Мадлены де Скюдери названы «Артамен», «Клелия», «Альмаида» и «Матильда» [2], но при этом роман «Альмаида» довольно часто называют сочинением Жоржа, а современное издание «Артамена» предпочитают комментировать как совместное творчество обоих Скюдери.

Если в 1678 г. Д. Юэ уверенно говорил о «Великом Кире» и «Клелии» как романах Мадлены и хвалил ее, утверждая, что «она работает во славу нашей нации» [30, р. 534], то сегодня, пожалуй, только «Клелию» склонны рассматривать как полностью самостоятельное, собственное сочинение писательницы. Тем более что в этом сочинении много рассуждений, бесед, а этот жанр Мадлена де Скюдери предпочла в конце своего творческого пути и именно за одну из «conversations» – «Рассуждение о славе» – получила приз Французской Академии за красноречие. Вообще, последние сочинения знаменитой прециозницы демонстрируют тягу к моралистической прозе – что совпадает, между прочим, с общей эволюцией французской литературы в 1680-е годы. Кроме того, в них четко обозначился поворот от большой романной формы к малой, причем свои сочинения 1660–1680-х годов Мадлена де Скюдери именует не «petits romans», а «nouvelles», пытаясь освоить новеллистическую жанровую форму. По существу, писательница демонстрирует чуткое отношение к изменчивому литературному вкусу эпохи: будучи известным автором длинных романов, она затем переходит к разработке жанра новеллы, трансформирует жанр беседы; от любовно-героических историй обращается к моралистическим размышлениям. Но эти поздние сочинения еще предстоит изучать в контексте общей литературной деятельности

писательницы, в частности ее интенсивной переписки с учеными, особенно – с Лейбницем.

Историки литературы обычно отмечают, что меланхолическая тональность и психологизм вкупе с моральными рассуждениями Скюдери предвещают Ж-Ж. Руссо¹, но судьба наследия Мадлены в XVIII столетии – это еще мало разработанная тема. Исключение здесь составляет только фигура Мариво, поскольку его стиль с легкой руки Ф. Делюффа часто называют «новой прециозностью» [15]: Мишель Жило, выясняя, какие сочинения мадемуазель де Скюдери были знакомы Мариво, находит следы воздействия манеры автора «Клелии» и «Матильды» в раннем романе писателя «Удивительные действия симпатии» и пародирование этой манеры в «Карете, увязшей в грязи», сходство приемов рефлексии в беседах Скюдери и в журнальной эссеистике писателя XVIII в. [21, с. 17–22]. Франсуаза Жевре в ходе сопоставления Мариво и романистки XVII в. рассматривает появление в 1774 г. в «Меркюр де Франс» «Диалога между Мариво и мадемуазель де Скюдери», подписанного неким Ла Диксмери [19, с. 279]. В этом воображаемом диалоге Скюдери заявляет, что рисует своих персонажей такими, какими ей хотелось бы их видеть, а ее собеседник утверждает, что он рисует героев такими, какими, как он подозревает, они являются на самом деле, по существу, тем самым четко определяя специфику барочной и рокайльной характерологии.

На первый взгляд, иначе обстоит дело с оценками романов мадемуазель де Скюдери в XIX в. Здесь ее словно бы вспомнили и стали трактовать как обозревателя светских нравов, создательницу портретов своих знакомых. Возникла репутация романов Скюдери как сочинений с ключом – особенно после книги Виктора Кузена «Французское общество в XVII веке по “Великому Киру” мадемуазель де Скюдери» (1858). Однако хотя подбирать ключи к романам Мадлены стали еще современники писательницы, сама она решительно высказывалась против этого [см. об этом: 9, р. 248]. При акценте на «ключках» художественная ценность сочинений

¹ К. Грин в статье 2009 г. видит, при кардинальном различии политических взглядов монархистки Скюдери и республиканца Руссо, большое сходство в их трактовке любви, брака и секса, утверждая, что идеи Мадлены де Скюдери о браке повлияли на представленные в романе-трактате «Эмиль, или О воспитании» взаимоотношения Эмиля и Софи [12, р. 279].

Скюдери оказалась, по существу, на втором плане, они стали восприниматься только в качестве любопытных свидетельств о светской жизни XVII столетия. Понятие прециозности несколько размылось, оказалось синонимом жеманного поведения и причудливого языка, прециозным стали называть, в частности, роман О. д'Юрфе «Астрея», опубликованный задолго до 1650-х годов. Между тем при всем том значении, какое имел для творчества М. де Скюдери этот роман, его барочная поэтика (а по мнению К.А. Чекалова, маньеристически-барочная¹) не равна прециозной поэтике, стремящейся соединить классицизм и барокко, что ясно сказалось в тех размышлениях о «правилах романа», которые Скюдери помещает в своих романских сочинениях. Более того, на позднем этапе творчества М. де Скюдери все больше уделяет внимание этико-эстетическим проблемам, обращается к жанру беседы, первоначально выделив свои рассуждения из состава романа «Клелия», а затем опубликовав с 1680 по 1692 г. 10 томов своих «Conversations». По существу, автора этих «Бесед», до сих пор недостаточно изученных историками литературы, можно было бы назвать философом, считает Лаура Бюрш² [5, р. 363]. Рожденная как светская забава персонажей «Клелии» знаменитая «Карта Нежности» лишь на первый взгляд представляет собой наивную попытку в процессе подражания д'Юрфе создать некую упрощенно-наглядную любовную топографию: эмпирические варианты любовных историй «Астреи» здесь концентрируются, абстрагируются и одновременно лишаются той неоплатонической трансцендентности, которую сохраняет д'Юрфе [23, р. 280], наполняясь новым философским смыслом, близким картезианскому принципу «разделения трудностей». Заботясь о правдоподобию (это понятие писательница не раз обсуждает в своих сочинениях), она воссоздает в романе историю любовных отношений на фоне Большой истории, цитирует античных историографов, дает «Клелии» подзаголовок «Римская история». А в «Артамене, или Великом Кире» есть многое, что сближает концепцию любви у Скюдери с той, что воплотила мадам де Лафайет в романе «Принцесса Клевская». В то же время прециоз-

¹ Эту концепцию ученый разрабатывает в монографии [35].

² Исследовательница находит, в частности, отзвуки идей Декарта в размышлениях персонажей «Бесед» о функции сомнения, неуверенности [5, р. 369].

нице Мадлене доступна не только серьезность и назидательность, но и игра, и ирония [33]. Закономерно поэтому появление в последние 20 лет большого числа исследований прециозной поэтики Скюдери.

Возрастающий научный интерес к творчеству Мадлены де Скюдери пока не сопровождается широким читательским интересом, однако можно надеяться, что переиздания ее произведений будут этому способствовать, поскольку многие мысли и наблюдения в них оказались неожиданно созвучны современности. В статье 2021 г. канадский исследователь задается вопросом, как писательница столь далекой эпохи, обращаясь к совсем другим читателям, нежели в XXI в., смогла тем не менее обогатить наше понимание нескольких важных и сегодня концептов – в частности, дружбы [34]. По-видимому, в этических суждениях Мадлены де Скюдери есть тот общегуманистический смысл, который всегда актуален. Не случайно А. Нидерст находил возможным утверждать сходство позиций Скюдери и ее насмешливого оппонента Мольера: «...Как и Мольер, Мадлена де Скюдери выражает в разгар гнусной и тревожной эпохи стойкость гуманистической мечты о согласии, любви и дружбе...» [26, р. 544]¹. Однако более полная реабилитация не только этической программы, но художественной манеры писательницы еще впереди.

Список литературы

1. Аронсон Н. Мадемуазель де Скюдери, или Путешествие в Страну Нежности. Aronson N. Mademoiselle de Scudéry, ou, *Le voyage au Pays de Tendre*. – Paris : Fayard, 1986. – 426 p.
2. Барберо М. Мадлена де Скюдери. Barbero M. Madeleine de Scudéry // La Compagnie Littéraire. Femmes de lettres. – 2016. – URL: <https://www.compagnie-litteraire.com/madeleine-de-scudery/>
3. Буало-Депрео Н. Поэтическое искусство. – Москва : ГИХЛ, 1957. – 232 с.
4. Буало Н. Поэтическое искусство. Boileau N. Art poétique // Boileau. Œuvres 2. – Paris : Garnier-Flammarion, 1969. – P. 87–115.
5. Бюрш Л.Ж. Мадлена де Скюдери, можно ли говорить о женщине-философе? Burch L.J. Madeleine de Scudéry, peut-on parler de femme philosophe? // Revue philosophique de la France et de l'étranger. – 2013. – Т. 138, N 3. – P. 361–375.

¹ См. также статью [24].

6. Вильверт Э. Лица женской литературы.
Wilwerth E. Visages de la littérature féminine. – Bruxelles : Mardaga, 1987. – 244 p.
7. Гаврилова М.О. Этика прециозности в романе М. де Скюдери «Клелия» // Филология в системе современного университетского образования. – Москва : Изд-во УРАО, 2002. – Вып. 5. – С. 39–44.
8. Гасте А. Мадлена де Скюдери и «Диалог героев романа» Буало.
Gasté A. Madeleine de Scudéry et le “Dialogue des héros du roman” de Boileau. – Rouen : Cagniard, 1902. – 48 p.
9. Годенн Р. В защиту второго сомнения в предполагаемых «ключках» в романах мадемуазель де Скюдери.
Godenne R. Pour une seconde remise en cause des clés supposées des romans de mademoiselle de Scudéry // Littératures classiques. – 2004. – N 2(54). – P. 245–255.
10. Годенн Р. Романы мадемуазель де Скюдери.
Godenne R. Les romans de mademoiselle de Scudéry. – Genève : Droz, 1983. – 388 p.
11. Голубков А.В. Прециозность и галантная традиция во французской салонной литературе XVII века. – Москва : ИМЛИ. РАН, 2018. – 294 с.
12. Грин К. Влюбленная Скюдери и появление «частной сферы».
Green K. Scudery on love and the emergence of the «private sphere» // History of the political thought. – 2009. – Vol. 30, N 2. – P. 272–285.
13. Дагган А.Е. Завсегдатаи салонов, фурии и феи : гендерная политика и культурный обмен в абсолютистской Франции.
Duggan A.E. Salonnières, furies and fairies : the politics of gender and cultural change in absolutist France. – Delavare : Univ. press of Delavare, 2005. – 288 p.
14. Деллоффе Ф. Несколько рассуждений о критике атрибуции.
Deloffre F. Quelques réflexions sur la critique d’attribution // L’histoire littéraire : ses méthodes et ses résultats. – Genève : Droz, 2001. – P. 247–271.
15. Деллоффе Ф. Новая прециозность : Мариво и мариводаж.
Deloffre F. Une préciosité nouvelle : Marivaux et marivaudage. – Genève : Slatkine, 1993. – 617 p.
16. Дени Д. Галантная муза, поэтика беседы в творчестве Мадлены де Скюдери.
Denis D. La muse galante, poétique de la conversation dans l’oeuvre de Madeleine de Scudéry. – Paris : Honoré Champion, 1997. – 393 p.
17. Дютртр Э. Дворцы господина де Скюдери.
Dutertre E. Les palais de monsieur de Scudéry // L’histoire littéraire : ses méthodes et ses résultats : mélanges offerts à Madeleine Bertrand / sous la dir. de L. Fraisse. – Genève : Droz, 2001. – 869 p.
18. Дюфур-Мэтр М. Прециозницы, от войны полов до парнасских споров.
Dufour-Maître M. Les précieuses, de la guerre des sexes aux querelles du Parnasse : jalons d’une polémique empêchée // Littératures classiques. – 2006. – N 1(59). – P. 251–263.

19. Дюфур-Мэтр М. Прециозницы. Рождение женщин-литераторов во Франции XVII века.
Dufour-Maître M. Les Précieuses. Naissance des femmes de lettres en France au XVIIe siècle. – Paris : Honoré Champion, 1999. – 800 p.
20. Жевре Ф. Мариво и Мадлена де Скюдери.
Gevrey F. Marivaux et Madeleine de Scudéry // Madeleine de Scudéry : une femme de lettres au XVIIe siècle / sous la dir. de D. Denis et A.-E. Spica. – Arras : Artois press université, 2002. – P. 279–292.
21. Жило М. Эстетика Мариво.
Gilot M. L'esthétique de Marivaux. – Paris : SEDES, 1998. – 303 p.
22. Краевска Б. От Сердца к уму. Мадемуазель де Скюдери и ее субботы.
Krajewska B. Du Coeur à l'Esprit. Mademoiselle de Scudéry et ses samedis. – Paris : Kimé, 1993. – 190 p.
23. Мадлена де Скюдери : женщина-литератор в XVII веке.
Madeleine de Scudéry : une femme de lettres au XVIIe siècle / Sous la dir. de D. Denis et A.-E. Spica. – Arras : Artois press université, 2002. – 350 p.
24. Нидерст А. Источник «Мизантропа» (М-ль де Скюдери «Великий Кир»)
Niderst A. Une source du *Misanthrope* (Mlle de Scudéry, *Le Grand Cyrus*) // Missions et démarches de la critique. Mélanges offerts au professeur J.-A. Vier. – Paris : Klincksieck, 1973. – P. 359–365.
25. Нидерст А. Мадлена де Скюдери, или от Тассо к Бальзаку, от Бальзака к Прусту.
Niderst A. Madeleine de Scudéry, ou du Tasse à Balzac, de Balzac à Proust // Littératures classiques. – 1991. – N 15. – P. 119–126.
26. Нидерст А. Мадлена де Скюдери, Поль Пелиссон и их мир.
Niderst A. Madeleine de Scudéry, Paul Pelisson et leur monde. – Rouen : Presses univ. de Rouen et Havre, 1976. – 576 p.
27. Павловска М. Мадемуазель де Скюдери : портрет Сафо, или включение через исключение.
Pawlowska M. Mlle de Scudéry : portrait de Sapho ou inclusion par l'exclusion // Romanica Wratislaviensia. – 2011. – N 58. – P. 95–104.
28. Пенцфокер Ж. Искусство лжи в романах Мадлены де Скюдери.
Penzföcker G. L'art du mensonge dans les romans de mlle de Scudéry // Dix-septième siècle. – 2002. – N 2(215). – P. 273–286.
29. Плазене Л. Жорж или Мадлен? Сафо, писатель и братоубийство.
Plazenet L. Georges ou Madeleine? Sapho, écrivain et fratricide // Femmes artistes et écrivaines dans l'ombre des grands hommes. – Paris : Classiques Garnier, 2019. – P. 165–190.
30. Поэтики романа. Скюдери, Юэ, Дю Плезир и другие теоретические и критические тексты XVII века о романном жанре.
Poétiques du roman. Scudéry, Huet, Du Plaisir et autres textes théoriques et critiques du XVIIe siècle sur le genre romanesque. – Paris : Honoré Champion, 2004. – 943 p.

31. Прециозность // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – Москва : Интелвак, 2001. – С. 802–804.
32. Руссо Е. Двор и город. От литературы классицизма до Просвещения : изображение себя.
Russo E. *La Cour et la Ville, de la littérature classique aux Lumières : l'invention de soi.* – Paris : PUF, 2002. – 233 p.
33. Сельмеси Б. Любовники знаменитых женщин. Абрадат и Фаон, или фигуры Иронии Скюдери.
Selmecci B. *Amants des femmes illustres. Abradate et Phaon ou les figures de l'ironie scudérienne* // *Publif@rum.* – 2005. – N 2. – URL : <http://www.publiforum.it/index.php/publiforum/article/view/33/53>
34. Сту Э. Женщины и дружба у Мадлены де Скюдери.
Stout E. *Femmes et amitié chez Madeleine de Scudéry* // *Post-Scriptum.* – 2021. – N 30. – URL: <https://post-scriptum.org/30-08-femmes-et-amitie-chez-madeleine-de-scudery/>
35. Фредель Н., Леклер Ж. «Диалог героев романа» Буало : от старинной галантности до симулякров светских игр.
Freidel N., Leclerc J. *Le Dialogue des Héros de roman de Boileau : de la galanterie des anciens aux simulacres des jeux mondains* // *Littératures classiques.* – 2012. – N 1(77). – P. 297–310.
36. Чекалов К.А. Маньеризм во французской и итальянской литературах. – Москва : Наследие, 2001. – 208 с.
37. Эсмен-Сарразен К. Современное состояние исследований о Мадлене де Скюдери (2002–2008).
Esmein-Sarrazin C. *Etat présent des études sur Madeleine de Scudéry (2002–2008)* // *Dix-huitième siècle.* – 2010. – N 3(248). – P. 531–546.